

ЭССЕ "ЦИРКА"ОЛИМП" СТРОЧКОВ И ЛЕВИН - ДВА СПОСОБА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ

1996 N8

Владимир Строчков и Александр Левин - поразительные фигуры в нашей поэзии. Уже лет двадцать они упорно штурмуют литературные вершины в одной, можно сказать, альпинистской связке. В стародавние андеграундные времена совмещения вредоносного для общества сочинительства и общественно-полезного труда один из них - старший по годам Строчков - был начальником электронного цеха, а другой - Левин - согревался под его начальственным крылом. Теперь оба - редакторы, правда, разных органов.

Что же касается их литературной взаимодиффузии, то они совместно тяготеют к семантическим играшкам, позволяющим не только увеличить число степеней свободы стиха, но и придать написанному определенную веселость, игривость и каламбурность. Левин, исполняющий часть своих стихов под вполне профессиональную гитару, даже включил в свой песенный репертуар несколько текстов Строчкова... Да что там социальная и творческая близость! Их объединяет даже склонность к лысеню, а не к поседению! Причем, опять-таки, у более взрослого Строчкова эта тенденция выражена ярче, то есть сильнее блестит.

И вот у этих двух поэтов-не-разлей-вода по вполне понятным причинам одновременно выходит по поэтической книге. У Владимира Строчкова "Глаголы несовершенного времени". У Александра Левина "Биомеханика". Поэтому рассматривать их вполне естественно в пределах одной рецензии.

Для того, чтобы лучше себе представить, чего же следует ожидать от книги Левина, не поленимся процитировать наиболее насыщенное его излюбленным авторским приемом стихотворение "Как задохли Мuryлика".

Задохли Мuryлика банданы.
Он чахался, курьчился, но слип
и, жмыканный, запарханный и бляный,
он в дрюку поколатую захлип.

Всю бысть ему ферзило, как из пешки,
он был у всех понтыров законтак,
и блябуда ему табали клешки,
и жучники валантили кутак.

Но как-то поздней влипоть под ваучер
он в лыбу маковатую ввалил,
где бормочи фуфачили "кубачью",
где Пырька-хуль кунтыльники мочил.

И там звездела дырая гулюха,
и было ей всего втыкнадцать раз,
и за ее, за косые чесухи
Muryлик залудил и повяз.

Но Пырька-хуль был лыбарь говноватый,
и долго разыванивать ни стул.
Он выпонтил кунтыльник из-под ваты
и дурому Muryлику влягнул.

А после бормочи его звездохли.
Он чахался, курьчился, но слип.
Так за гулюху дырую задохлил
и в дрюку поколатую захлип!

Конечно, изрядно закурычившись, можно вообразить, что в данном случае мы имеем дело с классической русской заумью. Однако это совсем

не то и не так. Левинские словопостроения основываются отнюдь не на интуитивных сверхчувственных поисках особого самовитого звучания, а на вполне реалистичной работе со словом, которую автор называет термином "лингвопластика". Ее суть заключается в том, что пытливым поэтом, предварительно сделав домашнее задание по арифметике и русскому, повязывает сшитый мамой фартучек и начинает лепить неологизмы. Или собирать их из подаренного папой на Первое мая конструктора, в котором есть множество корней, суффиксов, приставок... Получается "петушка и кукух", "шумелка-мышь", существительное мн. числа "летали", прожорливый "хомо-сцапиенс", "стрекочик"... При помощи лингвопластики даже можно одухотворить суффиксы, и получаются всякие "аущие", "аеые", "ательные-ятельные", "ованные-эванные" с совершенно конкретными характерами. Используя эти диковинные лингвистические персонажи, можно сочинять сказки, можно мифы, а также шумелки, пыхтелки, ворчалки, кричалки, что автор делает с упоением и с воистину моцартианской легкостью и изяществом... При этом порой возникают парадоксальные строки - играющий и ревящийся автор вдруг предстает перед читателем грустящим, печальющимся и, да не убоимся мы этого слова, размышляющим о превратностях бытия.

Владимир Строчков также любит поиграть со словом. Однако это игра несколько иного рода. Он меньше обращает внимания на всевозможные суффиксные кудрявости и эвфемизмы, а старается зреть в семантику корня. Отсюда возникает перетекание одного слова в другое, ветвление смыслов. В этой связи уместно вспомнить творчество Александра Горнона, у которого ветвление смыслов вначале преподносилось читателю в виде разноцветных причудливо нарисованных текстов. Однако этот метод все равно не позволял читателю адекватно воспринимать замысел автора-максималиста. Поэтому Горнон, в конце концов, начал делать стереофонические магнитописи своих стихов, где несколько голосов налагаются друг на друга.

Строчков, в принципе двигаясь в ту же сторону, что и Горнон, все-таки избрал свою собственную дорожку, более демократичную, ориентированную на прочтение своих текстов хотя бы двумя сотнями читателей. И результат налицо - поэт лет пять назад стал лауреатом популярного молодежного журнала "Юность". Дело его в настоящее время процветает, потому что произошло не часто встречающееся в природе совпадение интеллектуальных авторских амбиций и заинтересованность в них относительно-широкого читательского круга.

Ну а теперь, в целях борьбы с голословностью, процитируем часть строчковского "Лириума", в котором идет речь о сильно пьяном герое, воюющем с входной дверью:

Он не замog отключить дверь,
а трить звонка была глуха,
как этот пятник... Нет, четверь,
или когда?.. Здесь был ухаб.
Он испустил под тверью клич,
он опустил на этаж
всем сразу. Он увидел луч
сквозь щелку твари. И атас
его закинул на дыбы,
мотнул о стену и косяк.
Он стиснул кляч. Он жил добыл,
сревнувши шею, как гуся,
и смаху включья разоврав
убивку, где скрывалась зверь...

Но тут опять пошел овраг,
не то субботник... Нет, четверь,
или когда?.. Он бил плечом,
клычом, челом и сразу всем
об эту двердь, где был включен
или замочен тисклый свет;
но эта впредь была глуха
к его мольбаньям и стенам.
Замчалась с клюкотом дуга,
он был в которую. Слюна
вступила в силу через рот
и, накачав свои права,
его рванула через ров,
то ли овраг, не то провал...

Если сравнивать Строчкова с Левиным, то тут нам неценимую услугу оказал бы пример из воздухоплавания. Если Левина можно уподобить воздушному шару, который переносит по небесам праздных путешественников, любующихся красивым ландшафтом и самими собой, то Строчков - явный дирижабль с мотором. Он предназначен не столько для увеселений, сколько для перевозки полезных грузов. И господину Строчкову отнюдь не безразлично, что же везет его стих. Отсюда порой ощущается пафос произносимого, различаются басовитые ноты натруженного гудения двигателя. Отсюда и стремление донести до читателя особенности своего поэтического метода (книгу заключает эссе о современной поэзии и о своем месте в ней).

Поэтому, несмотря на обилие сходств, перечисленных в начале рецензии, Александр Левин и Владимир Строчков - поэты разные. Каждый из них имеет свой неповторимый голос, в полной мере отработанный творческой судьбой, т.е. тем внутренним авторским состоянием, когда ты один во всей вселенной.

Ю.Евлампьев. Увиденное (12 листов), лист 5. 1993.
Черно-белая фотография. 18x24 см

Владимир Тучков